

пробегаемы нашим умственным взором вперед и назад; мало того, этих единиц должно быть не десять, а сколько угодно, вполне неисчислимое количество, и они могут, кроме того, до бесконечности приближаться одна к другой. Вовне эти единицы должны быть способны к бесконечному увеличению в своем количестве и к бесконечным вариациям и комбинациям по форме своего объединения. Иначе не будет и десятки. Десятка—это то, что можно превратить и в 9, и в 11, и в любое число, любого вида и любой величины. Вот это-то и значит, что число есть *смысловая энергия* акта полагания.

Супра-акт сам по себе не создает числа; полагание акта, равно как и отрицание его, также не создает числа; то же и становление, как и ставшее. Но, вступая в диалектическое взаимоотношение, все эти моменты создают именно число, потому что только в их всецелой объединенности заключается настоящая жизнь числа. Супра-акт осуществляется, полагает себя, окружаясь инобытием, от которого он себя отличает,— тут еще нет числа. Но вот, отличивши себя от инобытия, от своего отрицания, он отождествляется с ним, вступает в единое и цельное самоотжество как в некую смысловую эманацию жизни,— и здесь зарождается наконец число.

§ 22. Аналогии.

Всегда полезны аналогии, если учитывается различие тех областей, которые рассматриваются как аналогичные.

Пусть мы имеем чистый лист бумаги. Пока на нем ничего не «положено», т. е. ничего не начерчено, нет на нем и вообще ничего. Есть только ничем не обозначенное белое поле. Пусть теперь мы начинаем что-нибудь чертить на этом листе. Начертить какую-нибудь фигуру—это значит провести ее границы. Проведя границы, напр., круга, мы получаем нечто, имеющее уже определенную *величину*. Покамест нет точных границ круга, круг вообще не существует, не говоря уже об его размерах. Но как только начерчена окружность, появляется и сам круг, и появляется он как некая *величина*. Другими словами, с появлением границы впервые появляется возможность деления, дробления. Если теперь мы отвлечемся от той фигуры, которую мы нарисовали, а возьмем только существование ее ограниченности, то и внутри этой ограниченности мы получим не

дробящийся круг, а саму дробность, делимость, количественную ее характеристику. Однако, анализируя чистое число, мы не рисуем никакой фигуры на белом листе бумаги. Если мы там оперировали с фигурами или их частями, то здесь имеем дело только с актами смыслового полагания; и если там дробность фигуры требовала для себя проведения границ, точной ограниченности, то здесь для дробности акта полагания требуется определенность и ограниченность первоначального акта полагания. Если акт полагания *есть*, если он действительно *положен*, то это значит и то, что он внутри *дробим, делим*, т. е. что мы можем получить любое (и притом бесконечное) количество таких же актов полагания. Но что нужно для проведения границы и как возникает граница? Граница, как доказывается в общей диалектике, и есть синтез того, что внутри границы, и того, что вне границы,— другими словами, бытия и небытия. Граница одинаково относится и к внутреннему (ибо, напр., круг, если граница не явилась бы его частью, то он не имел бы границы, т. е. не был бы кругом), и к внешнему (ибо окружность круга появляется только тогда, когда мы ее начертили на каком-нибудь фоне, т. е. когда она есть часть фона, или инобытия), точно так же как одинаково не относится ни к тому, ни к другому. Граница—первый синтез бытия и небытия; переходя к дальнейшему диалектическому развитию этого синтеза и переводя его в новое инобытие, получаем еще новый, уже упоминавшийся выше синтез, становление. Если граница дает только возможность дробления, то становление реально осуществляет это дробление, а еще дальнейший синтез—ставшее в своей смысловой выразительности—дает каждое отдельное число как таковое.

Акты полагания в целях облегчения и конкретизации мысли удобно представлять себе в виде *точек*. Ставши на почву такой аналогии, мы можем еще следующим образом представить себе структуру числа.

Если такие точки существуют и их много или несколько, то ясно прежде всего, что есть точка вообще, точка пока еще не в виде отдельного ряда точек, а так, как она существует везде и всегда. Если существуют точки в частности, т. е. такие или иные точки, то это значит, что существует точка вообще. И эта «точка вообще», очевидно, уже везде одинакова, она в себе уже неразличима,

самотождественна. Это и заставляет нас в применении к числу говорить о *супра*-акте, если всякое конкретное число есть всегда то или иное собрание отдельных актов полагания, или отдельных единиц. Итак, момент *супра*-акта в данной совокупности точек очевиден.

Далее, чтобы была именно совокупность точек, необходимо, грубо говоря, иметь некий общий фон, или поле,— напр., чистый лист бумаги,— куда мы могли бы наносить эти точки. Что это значит? Это значит, что кроме «точки вообще» должно быть нечто *отличное* от этой точки. Точка есть абсолютная самособранность и самоутвержденность; «отличное» же от этой точки, если оно действительно отлично, должно быть не-самособранным, самораспределенным, самораспространенным. Это то «пространство», то «место», тот «лист бумаги», где мы могли бы ставить разные точки. Однако, имея в виду строгость логической формулировки, мы не можем употреблять эти многозначные и неясные, а к тому же еще и бесчисленные по своему количеству термины. Единственно, что тут важно,— это только то, что должно быть нечто *иное*, не-точка, *инобытие* точки, и—больше ничего. Все же прочее есть только описания и метафоры. Следовательно, чтобы образовалась совокупность точек, должна существовать «точка вообще», *супра*-точка, *супра*-акт, и должно существовать *инобытие* этой точки и акта, этот фон, на котором она могла бы воспроизводиться. Ясно, что тут мы переходим от «точки вообще», от «неположенной» точки, к точке положенной, утвержденной, в отношении которой всякое окружающее ее *инобытие* есть точка отрицательная, точка реально не утвержденная, реально отрицаемая точка.

Только с введением этого *инобытийного* принципа мы впервые получаем возможность иметь вообще несколько точек, т. е. иметь вообще совокупность точек. Одной этой возможности, однако, мало. Необходимо, чтобы она превратилась в реальность, т. е. чтобы мы не просто имели «точку вообще» и ее *инобытие*, но чтобы на фоне этого *инобытия* действительно стали появляться разные точки. *Инобытие* из пустого отрицания должно превратиться в наполненное *становление*, в самовоспроизведение «точки вообще», в повторение, и притом многократное повторение, одной и той же точки.

Заметим, что этот принцип становления в соединении с перво-принципом, с *супра*-актом, определяет собою

одну очень важную особенность числовой совокупности, а именно *единство направления*. Само по себе становление ни о каком единстве не говорит, да и о направлении ничего не говорит. Чистое становление есть только некая неустойчивость бытия, как бы размывание и таяние бытия, и тут еще нет никакого направления. Если же сюда присоединить первый принцип, который есть принцип именно абсолютного единства или, вернее, единичности, то становление тогда превращается в становление *одного и того же* и в *одно и то же* становление. Становление получает характер *единообразия*. А для числа это имеет колоссальное значение. Число, как совокупность актов полагания, имеет их не в каком попало и абсолютно бесформенном виде, но в форме некоего определенного следования. Нужно уметь точно фиксировать структуру этого следования. В чем она заключается?

Обратим внимание на то, как строится натуральный ряд чисел, или, что то же, совокупность единиц в данном числе. Раньше всего бросается в глаза *абсолютная равномерность взаимного распределения* этих чисел и этих единиц. Когда я мыслю пятерку, я предполагаю, что пять единиц, входящих в нее, входят в нее совершенно равноправно и абсолютно одинаково. Каждая единица тут не больше и не меньше другой, и «расстояние» между этими единицами абсолютно одинаково. Если иметь в виду аналогию с точками, определенное число будет состоять из определенного количества точек, *абсолютно равномерно расположенных*, точек, находящихся на *абсолютно одинаковом расстоянии одна от другой*. Это совсем не обязательно для всякой числовой структуры. Взавши т. н. упорядоченное множество, мы ясно видим, напр., что здесь как раз эти «расстояния» — разные. Если множеству свойственна идея порядка, то это значит только то, что множество есть определенная числовая фигурность, аналогичная геометрической фигурности, но только конструированная средствами не протяжения, но чистого числа. «Упорядоченность» здесь создает эту как бы разную расставленность и разную взаимораспределенность актов полагания. Говоря, однако, об упорядоченных множествах, нельзя забывать о том, что уже самое простое арифметическое число, самое обыкновенное число натурального ряда, несомненно, есть некое упорядоченное множество; и нужно только уметь описать разницу между этими двумя формами упорядочения.

Натуральный ряд, или, что то же, всякое арифметическое число, «упорядочен» так, что «расстояния» между отдельными актами («точками») абсолютно равномерны. Эта равномерность достигает такой степени, что уже пропадает тут самая необходимость говорить о «расстояниях». Присматриваясь ближе, мы начинаем видеть тут основную роль в том обстоятельстве, что акт полагания, «точка», берется тут в своем *чистом*, беспримесно *логическом* виде, вне всякого возможного инобытия. Акт полагания есть он сам именно акт полагания, в таком виде он и действует тут. Вместо того чтобы как-нибудь меняться или вступать в связь с другими структурами, он действует тут только *как таковой*, только как определенная, неподвижная *категория*, логическая категория, и больше никак. В становление втянута тут «точка» в своей абсолютной категориальной чистоте. Потому и не поднимается здесь никакого вопроса о «расстояниях» между «точками». Точки взяты здесь *как таковые*. Совокупность точек взята здесь так, что в нее совершенно не входит ничего иного, кроме чистой точки как таковой, или чистого полагания как такового, и того общего безразличного фона, на котором мыслится повторение и воспроизведение этих точек и актов. Для формирования самой категории числа (не его специальных видов, а именно самого *понятия* числа, для формирования числа вообще) требуется акт полагания, данный во всей своей смысловой чистоте и отвлеченности, акт полагания как таковой, вне всякого возможного своего модифицирования и варьирования.

Это и есть принцип чисто числовой последовательности и упорядоченности актов полагания в отличие от тех видов следования и порядка, которые свойственны специальным или более сложным структурам числа. «Упорядоченное множество» есть тоже некая упорядоченность, но она тут специфична; она не есть тут чисто категориальная упорядоченность, не есть упорядоченность в том смысле, что тут действует только голый принцип акта полагания, не модифицированный никаким инобытийным привнесением. Тут — такая упорядоченность, которая есть упорядоченность также и *инобытийного фона становления* актов полагания. Раз имеется в виду некоторая смысловая фигурность, значит, «множество» есть некоторая определенная расставленность

и взаимораспространенность актов полагания. А это значит, что между точками, или актами полагания, из которых состоит данное «множество», мыслятся *разные расстояния* и эти точки находятся друг в отношении друга в *разных направлениях*. А это значит, что здесь активно участвует не только акт в своей чистой категориальности и принципности, но и самое это инобытие, на фоне которого разыгрывается становление этих актов. И потому «множество» есть гораздо более сложная упорядоченность, чем просто арифметическая. Упорядоченность арифметического числа есть просто определенность следования актов полагания, вызванная только чистой категорией самого акта, при безразличном участии фона, на котором происходит это следование. Упорядоченность же «множества» есть упорядоченность также и самого этого инобытия, этого инобытийного фона, раз оно входит во «множество» не в пассивно-безразличном, но в весьма разнообразном виде, конструируя различия «расстояний» и «направлений» актов полагания. Направление следования актов в чистом арифметическом числе есть направление актов полагания, взятых сразу вместе, как берутся сразу и вместе, напр., все признаки понятия. Направление, следовательно, признаков понятия есть только чистая совокупность этих признаков. Это направление *нулевое*. Тут действует не путь, по которому движется нечто, а само это нечто. Взявши несколько таких предметов в одну совокупность и не обращая никакого внимания на порядок объединения этих предметов, мы можем сказать, что *направление*, в котором они объединяются, есть *нулевое направление*. Это, однако, не значит, что о таком направлении совершенно нечего сказать с точки зрения логики. Так же как и нуль есть некая определенная и притом очень сложная логическая категория, так и нулевое направление актов полагания в каждом числе натурального ряда требует для себя точной логической фиксации. Это нулевое направление есть не что иное, как функционирование акта как голого принципа, как самостоятельной и беспримесной категориальности, вне всяких инобытийных привнесений.

Так, мы имеем «точку вообще», мы имеем дифференцированные взаимоотличные точки, мы имеем определенное следование этих точек (следование, при котором оставлены без внимания особенности пути, по которому

совершается следование). На очереди определенность и ограниченность самого этого следования. Оно может быть большим и малым, конечным и бесконечным и пр. Становление должно мыслиться где-нибудь остановившимся, чтобы была полная определенность этого становления. Оно может быть и бесконечным, но мы тогда должны так и зафиксировать это. Беспредельно продолжающееся становление и следование есть тоже некая вполне определенная совокупность, вполне аналогичная с конечным рядом. И она так же отличается от пустого принципа становления, как и всякая конечность. Чистое становление ни конечно, ни бесконечно. И если мы его начинаем мыслить как конечное или как бесконечное, то в обоих случаях мы начинаем мыслить его как некую новую логическую определенность и категорию, резко отличающуюся от голого принципа становления. Эта определенность есть логическое прекращение становления, и эта категория есть *ставшее*. Нанося ряд точек на листе бумаги, мы на определенном месте останавливаемся и перестаем наносить дальнейшие точки. Это совершенно необходимо, если мы хотим получить законченную совокупность. Число как совокупность есть, стало быть, необходимейшим образом не только утверждение и отрицание, но и становление этих утверждений и отрицаний, и не только их становление, но и ставшее.

Что мы получили до сих пор? Мы получили до сих пор, скажем, просто ряд точек на линии. Пусть, напр., мы поставим пять точек и остановимся. Спрашивается: откуда мы знаем, что мы поставили тут именно пять точек, а не больше и не меньше? Когда мы ставили первую точку, имели ли мы в виду число «пять»? Самый акт полагания первой точки ровно ничего не говорит ни о какой пятерке. А полагая первую точку, мы ничего другого и не имели, кроме самого акта полагания. Строго говоря, мы даже ниоткуда не знаем, что это есть именно первый акт. Мы просто ставили точки на данной линии, и ничего больше. Теперь пусть мы поставили вторую точку. Откуда мы знаем, что нами будет поставлено пять точек? Откуда угодно, но только не из самого акта полагания второй точки. Акт нанесения на бумагу черной точки есть только он сам, и больше ничего. Ни о какой пятерке он ничего не говорит. И сколько бы мы ни ставили точек, ни о пяти, ни о каком другом числе

у нас ровно никакого представления не получится. И все-таки мы почему-то знаем, что вот у нас получилась пятая точка, что вот поставлено пять, а не четыре и не шесть точек. Откуда это?

Если бы мы поставили одну точку, а потом, совершенно забывши о ней, поставили вторую; если бы, далее, мы совершенно забыли о второй и поставили третью и т. д. и т. д., то ясно, что никакого числа и никакого счета у нас никогда совершенно не получилось бы. Получается число, и считаем мы потому, что—говоря психологически—мы *помним* все предыдущие точки. Мы их помним, и мы их *сравниваем* как между собою, так и с общей их совокупностью. Следовательно, необходимо что-то еще прибавить к точкам, которые мы слепо наносим на линии. Необходимо, чтобы *ставшее было ставшим не только в себе, но и для себя*, т. е. чтобы граница становления была продиктована не извне, неизвестно кем и неизвестно как, чисто слепо, но чтобы она была определена самим же ставшим. Необходимо, чтобы акты полагания уходили не на то, чтобы ставить все новые и новые точки, но на то, чтобы положить самую границу полагания этих точек. Если мы ограничиваемся в своих актах полагания нанесением на нашей линии все новых и новых точек, то, как бы твердо и решительно мы ни остановились и как бы резко ни прекратили процесса дальнейшего нанесения этих точек, все равно граница и окончание этого нанесения возникают при таком условии совершенно неожиданно и слепо, неизвестно откуда. Мы наталкиваемся на нее, как в темной комнате наталкиваемся лбом на стену. Этого, однако, мало для конструкции числа. Надо, чтобы *нам было известно*, где эта стена, и надо, чтобы *мы сами* поставили себе предел, до которого мы будем наносить наши точки на линии. А для этого необходимо, чтобы новый акт полагания мы потратили не на создание еще новой точки, но на *создание границы уже полученных нами точек*. Это не будет создание новых точек, но оно будет как бы обегание взором всех точек, которые уже нанесены. Это будет *пересмотр, обзор, мысленное оформление* полученных точек, *осознание* того, что мы до сих пор делали.

Не нужно, однако, увлекаться этими психологически-ми терминами. Мы уже сказали, что здесь мы занимаемся совсем не психологией, но только логикой. Поэтому

необходимы такие термины, которые бы указывали не на психологические процессы переживания чисел, но на их предметную структуру. И поэтому указания на «пересмотр», «обзор», «осознание», «память», «воспоминания» и пр. есть только аналогия и иллюстрация, а не анализ существенной предметности. Надо употребить термин, который бы свидетельствовал о том, что полученная структура, оставаясь сама собой, функционирует в смысловом отношении как *нечто целое*, и притом функционирует не сама в себе, в каких-то своих неопределенных глубинах, но вовне, открыто, расчлененно, явленно для всякого инобытия (в том числе и для человеческого субъекта и понимания). Тут-то мы и употребляем термины «энергия», «смысловая энергия» или еще и «выражение», «выразительная форма», — термины, строго противопоставляемые нами отвлеченно-логической структуре сущности, т. е. сущности, только еще конструируемой, но не понимаемой, структуре *мыслимой*, но еще не понимаемой.

Только когда наши точки прекратили свое дальнейшее увеличение и вся слепо полученная их совокупность еще раз перекрылась сама собой и стала понимаемой совокупностью, совокупностью не только *в себе*, но и *для себя*, совокупностью как *именно совокупностью*, — вот тогда только она, энергично выраженная совокупность, стала законченным целым и все акты полагания смысла, перекрывши сами себя как некую энергичную совокупность, стали законченным и сформированным числом.

§ 23. Основа всего — диалектическая жизнь перво-акта.

Итак, супра-акт, полагая себя, переходит в *акт полагания*, в утверждение, причем это есть одновременно появление *инобытия*, или акта отрицания, окружающего это утверждение и дающего ему *границу*; полученный акт полагания рассматривается теперь в своей ограниченности и определенности, т. е. происходит *утверждение и полагание самой границы*, причем обыкновенно появляется фиксация того, что внутри этой границы. И первый, и второй акты должны быть описаны и с другой стороны. Супра-акт, как абсолютное тождество, не содержит в себе никакого различия; и если это различие появляется в результате самопоглощения супра-акта, то необходимо сказать, что различие (а значит, и само